

9. Паталкоў, Ю.В. Этыка духоўнага выжывання / Ю.В. Паталкоў // Роднае слова. – 2007. – № 3. – С. 39–41.
10. Потолков, Ю.В. Путь к покаянию (Об одной «неудобной» строке В. Маяковского) / Ю.В. Потолков // Русский язык и литература. – 2003. – № 7. – С. 105–114.
11. Потолков, Ю.В. Метафорические вечера сокровенного человека / Ю.В. Потолков // В мире литературы. – Брест: Издатель С.Б. Лавров, 2002. – Вып. 3. – С. 84–88.
12. Потолков, Ю.В. Молитва матери (Максим Горький и Янка Купала в 1906 году) / Ю.В. Потолков // В мире литературы. – Брест: Издатель С.Б. Лавров, 2002. – Вып. 3. – С. 89–92.
13. Потолков, Ю.В. Литературная эмиграция как морально-психологический феномен (на материале лирики В. Набокова и М. Седнёва) / Ю.В. Потолков // В мире литературы. – Брест: Издатель С.Б. Лавров, 2002. – Вып. 3. – С. 67–83.
14. Паталкоў, Ю.В. Топас чалавека пакаяннага. Раман «Млечны шлях» К. Чорнага і сучасная яму літаратура / Ю.В. Паталкоў // Роднае слова. – 2003. – № 10. – С. 20–23.
15. Потолков, Ю.В. Нравственно-философский фактор как доминантный в процессе становления и развития литературы / Ю.В. Потолков // Вестник Брестского государственного технического университета. – 2004. – № 6: Гуманитарные науки – С. 88–91.
16. Миценчук, Н.И. Слово к читателю / Н.И. Миценчук // В мире литературы. – Брест: Издатель С.Б. Лавров, 2002. – Вып. 3. – С. 3.

Материал поступил в редакцию 08.10.11

BORSUK N.N. Abut expansion the humanitarian borders of penetration the Slavonic art: the aspects of creative works of the literary man Yury Vasilievich Potolkov

The system of literary studying based on the priority of the emotional over the rational has been gradually finding its adherents. Yury Vasilievich Potolkov belong to them. It was him who first introduced into literary studying the so-called «emphatic point of view on the work of art». To the researcher's mind to define moral safety of the work of art is the prerogative of literary studying. According to this reason as the works of Y. V. Potolkov testify, the literary man pays attention on the analysis only of those works of art, in which «the morality of people's experiences became the object of reflection». On the sample of creative work of Belarusian and Russian writers (Ya. Sipakow, A. Platonow, U. Nabokow, M. Sednyov, I. Brodski, L. Kalyuga and the others) Yury Vasilievich Potolkov proves that the emphatic view of the work of art is not the romantic theory, not a next innovation but a basic concept.

УДК 821:161.1

Потолков Ю.В.

МЕГАИДЕЯ ЭМПАТИЧЕСКОГО ТРИЕДИНСТВА И НАУКА О ЛИТЕРАТУРЕ

Под эмпатическим триединством мы имеем в виду сопереживательное сотрудничество трёх актантов духа в процессе извечного и неостановимого творения мира. Этими актантами являются Бог, человек-креатор и человек-реципиент. Сопереживание в данном случае мы понимаем как спонтанное совпадение чувств индивидов, оказавшихся в идентичных внешних обстоятельствах.

В такой ситуации находятся актанты духа, означенные выше: все они самодостаточно участвуют в едином вселенском движении, остановить которое невозможно. Богу (трактуемому нами как субстанциональное *состояние* стратегического идеального творения, создающего одухотворенную физическую материю) принадлежит Первозамысел бытия.

Человек-креатор, вдохновенно поднимаясь над рационализмом повседневности, воспринимает Первозамысел Всевышнего и «переводит» его на язык понятий и образов, доступных человеческому восприятию: создаёт произведения искусства, открывает физические законы, придумывает полезные обществу технические приспособления и т.д. Наиболее убедительными примерами человека-креатора могут быть названы Иисус Христос, его апостолы и равные им личности из других религий, а также гении искусства и науки.

Завершает вселенское триединство человек-реципиент. Он воспринимает и Первозамысел, и его человеческое креативное воплощение в искусстве и науке, соотносит свою жизненную практику с условиями, в которые он поставлен первыми двумя актантами. При этом реципиент оказывается не только завершающей, но и начинающей сущностью триединства: каждый его шаг оказывается поводом для всё новых деяний Первотворца и человека-креатора.

Эмпатическое триединство – данность субстанциональная, извечная; оно спонтанно, надличностно, надисторично и пронизывает собою все проявления бытия – от вселенских до мельчайших в своей повседневности и поэтому никем из людей оспорено быть не может. Земная цивилизация (при всей своей трагической противоречивости) в пределах отпущенного ей временного срока и возможностей рационального познания действительности создала систему

ценностей, независимо от человеческого сознания ставшую составной частью Божьего творения и в силу этого, безусловно, спасительную для землян.

Мегаидея, о которой мы ведём речь, является феноменом практического свойства и определяет собою сущность *этических* взаимоотношений между человеком и Богом, разумом земным и космическим, физикой и метафизикой. Как показывают факты истории, люди всегда стремятся определять форму и смысл своего духовного общения со Всевышним (а, следовательно, и характер межчеловеческих взаимоотношений) самостоятельно.

Тому есть объективные причины: единственным стимулом социального и вселенского движения оказывается данная свыше *боль* индивидуума (и Бога, и человека) по поводу несовершенства бытия. Безбольность означает смерть – и духовную, и физическую. Убежденность в том, что миром правит любовь, правила о спасительности страдания не нарушает: любовь – это решимость личности собственным участием преодолевать все предстоящие жизненные испытания.

Человечество стремится избежать физических страданий. В этом ему помогает, спасибо ей, наука. Но попытки человечества обойтись без боли душевной только усиливают потенциал страданий физических (Сон разума порождает чудовищ). Мегаидея эмпатического триединства предполагает обязательную боль души: как можно спокойной, не страдающей душой возлюбить ближнего своего? Но иллюзия того, что преодолима и боль душевная, заставляет цивилизацию подменять своё самодостаточное участие в эмпатическом триедином творении мира разного рода *самостоятельными* духовными паллиативами. Например, появляются личности, стремящиеся к мировому господству; индивиды, объявляющие себя новым воплощением Господа; лидеры, императивно отстаивающие идею безбожной всечеловеческой гармонии и т.д.

Вопреки очевидному *единству* духовного и физического мира Человек отводит Богу *отдельную* нишу в своём сознании не связанную непосредственно с перипетиями повседневного общения людей между собой. Homo sapiensу трудно согласиться с тем, что взаимно-

Потолков Юрий Васильевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков экономического факультета Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

отношения между тремя указанными выше духовными составляющими носят именно сопереживательный, то есть неразделимый характер. Ему проще следовать воле Божьей фаталистически, снимая с себя ответственность за противоречивость бытия.

Религиозная и светская стороны жизни представляются ему параллельными, нигде не пересекающимися, линиями творческого движения личности. Поэтому жизнь цивилизации и по сей день колышется на *двуедином* мировосприятии, когда общественные и межличностные конфликты трактуются всего лишь как результат рационально постижимого общения человека с человеком без прямого в своей созидательности участия Господа. Богу при таком раскладе отводится роль высшего судьи, стоящего над повседневными мелочами человеческой жизни.

Поэтому сопереживательного сотрудничества с Божьим замыслом человечество старается избегать: строит Вавилонские башни, испытывает ядерные ракеты, создаёт теории, идущие не от Господа, а сразу же от второго действующего лица мироздания – человека-креатора. Отсюда происходит решающая ошибка *двуединого* мировосприятия. Она воплощена в выражении «наука и религия».

Здесь следует договориться о терминах. Уточним понимание слова «религия». Латинское «*religiosus*» означает – совестливый, добросовестный, тщательный. Совесть – это Со-Весть, то есть созвучие, согласие, сопереживание с Вестью. Слово Ангел в переводе на русский – Вестник, Евангелие – Благовестие. Главные Вести Книги – десять заповедей Господних. Следовательно, выражение «наука и религия» адекватно выражению «познание и совесть».

Понятие «религиозность» традиционно понимается как *поклонение* Высшему духовному идеалу – Богу. Однако по своему этическому содержанию поклонение может быть различным – деятельным и пассивным. Первое предполагает личную ответственность человека за свою этическую позицию (то есть имеет в виду *сопереживание* индивидуума с Богом в себе или иными словами – порядочность); второе провоцирует личность на всего лишь внешнее соблюдение правил благочестия или, иными словами, на непорядочность. Итак, человек, который руководится в своей жизненной практике аморальными принципами, религиозным считаться не может. Учёный, ставящий перед собой античеловеческие цели, увеличивает объём человеческого знания, но уменьшает сроки существования человеческой цивилизации и поэтому учёным в высоком (сопереживательном с Господом) смысле назван быть не может. Его творчество в таком случае превращается в инфантильные игры разума (пусть даже в отдельных случаях – гениального) – но не более.

Объединив «наука» и «религия» союзом «и», мы можем прийти к сомнительному выводу, будто бы религиозного и научного общения человека с действительностью как единого этического феномена не существует вовсе. Сторонникам подобной точки зрения наука и религия видятся противостоящими друг другу формами духовного бытия цивилизации, поскольку наука базируется на знании, религия – на незнании; основа науки – законы естественного мира, основа религии – вера в существование сверхъестественных явлений; наука пробует ответить на вопрос *почему?*, религия – на вопрос *как?*; наука способствует ускорению социального прогресса, религия этот прогресс замедляет и т.д. Причём, наука при таком раскладе позиционирует себя как фактор безусловно более (а иногда и единственно) спасительный для человечества, нежели вера.

Подобная постановка проблемы молчаливо утверждает атеистичность науки. Но само понятие «атеизм» искусственно, поскольку не имеет ни одного реального подтверждения в действительности. Люди всегда свергали одних богов во имя утверждения новых моральных идеалов, то есть безбожниками не были. Атеистичен ли, к примеру, Павка Корчагин из романа Н. Островского «Как закалялась сталь»? Пусть его бог именуется Коммунизм, но служил ему мученик Павка как подлинный апостол добра и справедливости. Другое дело, что рядом с подлинными неистовыми ревнителями идеала добра всегда шли и идут фарисеи, фразёры и корыстолюбцы. Что ж: мир устроен так, что в каждом этическом общественном катаклизме на равных проявляют себя и Господь, и Сатана, совесть и бессовестность. Но разрушительные силы не побеждали никогда.

Верх одерживало и всегда будет одерживать неостановимое в своём движении эмпатическое триединство Господнего творения. Наука и религия неразделимы, так как вне зависимости от воли человека они оказываются сторонами единого познавательного общения социума со стратегическими субстанциями мироустройства. Наука религиозна (в том смысле, что предполагает совестливую нравственную позицию учёного), религия научна (в том смысле, что являет собою познание, предмет которого специфичен – онтологическая суть бытия).

Без признания этого духовно-синергетического обстоятельства современному человечеству пришлось бы вновь закрыть глаза на очевидность триединой сопереживательности (воплощённой в библейском призыве «возлюби ближнего своего как самого себя») и в который раз избрать заведомо ложный (бессовестный), а следовательно, самоубийственный путь общественного движения.

Необходимость выхода за пределы узкого рационализма в философии ощущают многие мыслители современности. Они отмечают, что «...декартовская независимость человеческой мысли не сумела на протяжении всего новейшего исторического времени, поскольку в принципе и не могла суметь, заполнить и фундаментальные, и многочисленные побочные вопросы людской экзистенции. Открытой оставалась и в дальнейшем остаётся прежде всего метафизика человеческой судьбы, которая ярче всего проявляет себя и объективизируется в религиозном опыте».

Приведенное наблюдение, с которым мы полностью солидаризируемся, принадлежит известному белорусскому литературоведу Яну Чиквину. Декартовская независимость человеческой мысли означает познавательную *двуединость* мировосприятия, когда можно вести речь о сопереживании только человека с человеком в процессе видоизменения действительности. Означенная *двуединость*, (в наших рассуждениях – наука, взятая отдельно от религии, от совестливости) не обеспечивает познания человечеством метафизики человеческой судьбы, а, следовательно, не открывает перед ним объективной картины мира. Без такой картины дальнейшее развитие цивилизации непредставимо.

Продолжая мысли, высказанные Яном Чиквиным, можно отметить, что духовной субстанцией, которая выходит за рамки декартовской независимости мысли, объединяет науку и религию в их едином пути общения человека со вселенской действительностью и в силу этого способна заполнить и фундаментальные, и побочные вопросы людской экзистенции, может служить только самодостаточная мегаидея эмпатического триединства. Только она может поставить вопрос, *почему* человечеству следует поступать так, а не иначе, а также и ответить на этот вопрос.

Современное литературоведение, как и другие гуманитарные науки, должно определить своё отношение и к декартовской независимости человеческой мысли, и к эмпатической взаимозависимости Бога, человека-креатора и человека-реципиента. Сказав «должно», мы ни в коем случае не выступаем с личной априорной императивностью. Повелительное наклонение в данном случае рождается объективным ходом вещей. В подтверждение подобного тезиса приведём высказывание украинской исследовательницы Оксаны Головий. Изучая неореализм как теоретико-критический дискурс в украинском и русском литературоведении XIX–XX веков, она отмечает литературные явления, которые, как оказывается, весьма симптоматичны для эмпатического триединства:

«В неореалистических произведениях за, казалось бы, обыкновенными социально-бытовыми, психологическими сюжетами проглядывает глубокий философский смысл: универсализируются сюжеты, конфликты и, безусловно, герои. Психологизм в неореалистических произведениях – глубинный, основывается на изображении сложной человеческой психики. Другие атрибутивные черты реализма XIX века – аналитизм, логоцентризм, историзм, критицизм, присутствие всезнающего нарратора-демиурга, дидактизм, а также морализаторство – в неореализме уходят на второй план, а то и исчезают».

Перечисленные О. Головий атрибутивные черты реализма XIX века, уходящие в прошлое, – проявления картезианской *двуединой*

эмпатии. Сущность глубинности неореалистического психологизма в высказывании не уточняется, но ясно, что к декартовскому «*сogito ergo sum*» эта глубинность отношения не имеет. В этом смысле два литературоведческие высказывания, процитированные выше, близки друг другу: учёные ставят под сомнение способность узко рационального мировоззрения постигнуть суть «метафизики человеческой судьбы» (Я. Чиквин) и «глубинного психологизма» (О. Головий).

Такого рода совпадение взглядов вряд ли можно назвать случайным: перед нами – устойчивая научная тенденция, которая самодостаточно, за пределами сознательной воли исследователей, воплощает в себе движение современного литературоведения к традициям богоискательства, экзистенциализма, персонализма, интуитивизма, космизма, к философскому наследию Н. Бердяева, И. Ильина, Н. Лосского, В. Вернадского, Н. Фёдорова. Примеры можно продолжать. Современный белорусский литературовед А. Яскевич возглавил литературоведческую школу перцепционной поэтики, которая основана на утверждении нравственной взаимной ответственности между реципиентом и персонажем.

В подобном же роде высказывается известный белорусский философ, историк и литературный критик Владимир Конон. Он предсказывает «*новый подъём в литературе*», который «будет основываться и на классике, и на пройденном этапе и в конечном итоге создаст свою тематику, свою проблематику, свои архетипы... Это будет зависеть в значительной степени от возвращения к духовным ценностям – религии, национальной аутентичной культуре и др.»

Перечисленные аргументы требуют выявления закономерностей и поиска ответов на многие общие и частные вопросы по поводу этих закономерностей. Необходимо, к примеру, объяснить, почему современная общественная мысль стремится выйти за рамки картезианского рационализма; по какой причине новейшая литература отказывается от многих атрибутивных черт реализма XIX века; в связи с чем о триединой эмпатии, которая существует извечно, мы заговорили только сейчас?

Ответ, по нашему мнению, следует искать в характере гуманистической ситуации, переживаемой современным человечеством. Суть её – в очередном (наиболее крупном и опасном за всю историю цивилизации) нарушении гармонии между рациональным и иррациональным в менталите землян. Достижения современной научно-технической мысли принесли людям не только безусловную пользу, но и породили многочисленные негативные последствия, природа которых техногенна. То есть наступил момент, когда *двуединое* сопереживание человека с человеком вновь ощутило себя решающим фактором, способным руководить движением мироздания без обращения к стратегии Бога.

Ощутило, как оказалось, бесосновательно. Для *двуединства*, как и прежде, загадочна метафизика человеческой судьбы. Но рационалистическое мировосприятие, ослеплённое блеском потрясающих научно-технических открытий, выступило с искусственным лозунгом атеизма, который, как показалось картезианству, способен дать логические ответы на все вопросы бытия. В снобистском самолюбовании декартовская независимость человеческой мысли не замечает изменения исторических времён и так же, как в XIX веке (когда научно-техническая ситуация была совершенно иной, нежели сегодня) продолжает утверждать себя в мире средствами аналитизма, логоцентризма, историзма, критицизма, дидактизма, морализаторства и т.д.

Но в ответ на эти настроения современное литературоведение все громче заявляет о том, что «эмпирические наблюдения над литературными явлениями и произведениями полезны только до определённой степени» (Н. Микулич). Звучит интуитивное ожидание некоей этической панацеи, которая учла бы единство рационального и иррационального в бытии. Таковой субстанциальной панацеей может служить единственно *мегаидея* эмпатического триединства. Недаром все эти суждения приобщают человечество к упомянутой выше главной спасительной силе, данной нам Богом для вечной жизни, – страданию души при виде несовершенства бытия.

Итак, всё сказанное в нашем сообщении, позволяет утверждать, что пришло время дополнить *двуединные* познавательные возможности аналитического литературоведения силой *триединого* (сопере-

живательного, этического) проникновения в эзотерику художественного образа. Поскольку такое проникновение – этическое, оно требует объявления нравственных принципов, без соблюдения которых эмпатическое литературоведение существовать не может. Назовём некоторые из них.

Не нарушай прав персонажа (он хоть виртуальный, но человек, и, следовательно, имеет свои права).

Не нарушай прав писателя.

Не нарушай прав Бога, присутствующего в произведении.

Сюжет – это прежде всего состояние духа, а уж затем событие.

Любой сюжетный конфликт прежде всего надсоциален, космичен, уж потом – социален и конкретно-историчен.

Дело литературного произведения – приводить читателя в состояние работы совести.

Произведение искусства – лекарство; другого назначения у него нет.

Если литература – учебник жизни, то кто автор этого учебника?

Морально ли изучать биографию писателя а priori, до изучения его текстов? Да и вообще: что такое – биография писателя? Совпадает ли она с биографией человека, занятого писательством?

Начинай познание произведения произведения с главного (то есть со спасительного лично для тебя) – с Бога в сюжете, если такового ты не нашёл (по своей или же писательской причине) – дальнейшее литературоведческое общение не только бессмысленно, но и вредно.

Какой из феноменов считать ведущим: тему или же проблему произведения?

Не найдя «ключа» (то есть определяющей в произведении детали), литературовед может «открыть» сюжет только путём «взлома». Но объявив «ключ», исследователь неминуемо расскажет читателю правду (нелицеприятную в том числе) о самом себе.

Сюжет – это рассказ обо мне; ни в коем случае о ком-то, кроме меня.

Почему не разработана методика изучения анализа интимных сцен в сюжетах? А существуют ли в литературе какие-нибудь иные сцены помимо интимных? Ведь любая сцена – воплощённая во вдохновенном слове тайная речь Всевышнего. Другое дело, как воплощённая: есть писатели-гении, есть – графоманы.

Исследователь так же ответствен за трактовку изучаемого им произведения, как и каждый из нас – за счастье ближнего своего.

Задача литературоведа – учить читающего задавать вопросы не обществу, а самому себе.

Литературоведение – синоним порядочности. В ином случае оно – монолог фарисея, то есть не литературоведение.

Один и тот же сюжет может выступать воплощением как добра, так и зла – в зависимости от того, какой исследователь к нему прикаснётся.

Художественная литература – это душевная боль. Аккумулятивная в художественном образе.

Исследование литературы – путь к покаянию.

Искусство – это воплощённая в образе реакция личности на угрозу исчезновения человеческого рода.

Образотворчество – не отражение жизни, а сама жизнь.

Знать сюжет – значит, быть его достойным.

С представленными здесь этическими дефинициями можно спорить. Но непоколебимо условие: полемика должна вестись только с позиций триединой эмпатии. И тут есть действительный повод для того, чтобы повторить: *мегаидея* сопереживания Бога, Человека-креатора и Человека-реципиента – не новация, не версия, не предложение кого-то из людей, а извечная субстанциальная данность, противостоять которой (тем более на уровне декартовской независимости человеческой мысли) невозможно. Можно только удаляться от неё (на погибель свою), либо к ней приближаться (во спасение своё). Литературоведение в своих этических поисках не может не заметить триединой эмпатии. Перед ним стоит задача постигать эту *мегаидею* и находить в процессе этого постижения новые (на первый взгляд, необычные) выводы и решения. Триединая эмпатия ждёт

своих исследователей. Может быть, ждать ей придется долго. Но очевидно, что само движение жизни обязательно и бесповоротно к этой встрече приведет.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Чыквін, Ян. "Паскалеўскі" і "аввакумаўскі" шляхі развіцця беларускай паэзіі, (у:) Шлях па прамой часу. Да гісторыі беларускай літаратуры Польшчы 1958- 2008 г.г. / Пад рэд. Яна Чыквіна. – Беласток, 2007. – С. 183.

2. Головій, Оксана. Неореалізм як теоретико-критичний дискурс в українському та російському літературознавстві XIX–XX ст. / О. Головій // Автореферат дисертації на здобуття ступеня кандидата філологічних наук. Чернівці, 2011. – С. 16.
3. Конан, Уладзімір. Філасофская школа ўзнікае толькі тады, калі яна арыгінальная (Інтэрв'ю) / У. Конан // Настаўніцкая газета. – 24 красавіка 2004.
4. Мікуліч, Мікалай. Паэзія Заходняй Беларусі (1921–1939). – Мн., 2010. – С. 40.

Материал поступил в редакцию 10.10.11

POTOLKOV Yu.V. Megaidea of Emphatic Triunity and History of Literature

The article presents the moral – ethic theory proposed by Yu. V. Potolkov according experience (emphatic) unity of the participants of Creation: God-Creator, the man-creator, who realized the intention of the God- Creator in fiction, scientific and technical works, the man - recipient, who perceives spiritual contents, made by the first two creators and raises in its inner development to a new stage of civilized development thus opening new prospects before the Creator and the man – creator.

The idea of emphatic triunity was considered by Yu.V. Potolkov conformably to realities of history of literature.

УДК 802 (07)

Жданов А.А., Климович И.Е.

КОМПЬЮТЕРНОЕ ТЕСТИРОВАНИЕ УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ ЧТЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Введение. На кафедре иностранных языков (ИЯ) по экономическим специальностям БрГТУ при обучении чтению англоязычной литературы студентов первого курса дневной и заочной форм обучения компьютер в качестве средства контроля используется в течение последних пяти лет.

Традиционные формы безмашинного контроля понимания письменной речи – чтение вслух, ответы на вопросы, постановка вопросов к содержанию прочитанного, пересказ, изложение, учебный перевод – имеют, как известно, серьезные дидактические недостатки. Одни из названных форм контроля явно неадекватны как формы контроля именно чтения, так как проверяют умение читать на ИЯ через другой, не менее, а то и более сложный, вид речевой деятельности – устную или письменную речь; другие – весьма затратны, что в условиях дефицита учебного времени значительно снижает их дидактическую эффективность.

Преимущества компьютерного тестирования (КТ) перед традиционными формами контроля чтения в свете сказанного очевидны. В первую очередь, это автоматичность и моментальность как проверки текста, так и оценки результатов его выполнения; одновременность и идентичные условия выполнения теста в случае проведения фронтального контроля как для каждого отдельного учащегося, так и всей (под)группы в целом; гарантии самостоятельности выполнения теста вследствие практического отсутствия возможности списывания; беспристрастность и отсутствие субъективного фактора оценки знаний.

Среди других преимуществ КТ – возможность оперативного варьирования параметров теста как по объему и глубине проверяемого учебного материала, так и по самим объектам контроля или тематике, а также возможность дистанционного доступа к системе тестирования через Интернет и автономной работы. Немаловажным также является и тот факт, что КТ не противоречит другим методам оценки и контроля знаний учащихся и может использоваться наряду с ними если не как основное, то как дополняющее средство контроля знаний по ИЯ, значительно повышая объективность и точность оценки.

Тем не менее, при всех положительных сторонах, КТ не устраняет основной методической проблемы, связанной с проверкой и

оценкой уровня сформированности навыков чтения и обусловленной сложностью механизмов формирования и функционирования данного речевого умения: при интегрированных формах контроля, т.е. заданиях на понимание самого содержания текста, открытым остается принципиально важный вопрос – каким образом была достигнута та или иная степень понимания текста, а при дифференцированном контроле, т.е. контроле языкового материала, релевантного для понимания содержания соответствующих текстов, положительные результаты контроля отнюдь не являются гарантией сформированности речевых навыков и умений на уровне, достаточном для адекватного понимания первых.

Процедура автоматизированного контроля и оценки уровня сформированности лексико-грамматических навыков чтения англоязычной специальной литературы (здесь и далее имеется в виду чтение про себя) у студентов первого курса экономических специальностей БрГТУ, продолжающих изучение ИЯ после окончания средней школы, осуществляется в настоящее время в компьютерной системе тестирования, разработанной сотрудниками вычислительного центра БрГТУ в 2000 году применительно к учебным дисциплинам гуманитарного блока [1]. Доступ к системе в режиме работы «Включено» открыт исключительно для зарегистрированных пользователей и может осуществляться как «изнутри» – с любого компьютера, подключенного к университетской компьютерной сети, так и «извне» – через сеть Интернет.

Тестирование знаний, умений и навыков проводится, как правило, в пределах лексико-грамматического материала, подлежащего усвоению в соответствии с действующей учебной рабочей программой для базового курса ИЯ с использованием для обучения профессионально-ориентированному чтению учебного пособия «Basic Economic Concepts» собственной разработки [2].

Привлекательность идеи использовать компьютер в качестве средства контроля для нас в значительной мере состояла и состоит, конечно же, не только в том, что это делает процедуру контроля как более эффективной, так и более эффективной. Не менее, если не более, важным является то, что КТ в максимально возможной мере

Жданов Александр Алексеевич, доцент кафедры иностранных языков по экономическим специальностям Брестского государственного технического университета.

Климович Ирина Евгеньевна, ст. преподаватель кафедры иностранных языков по экономическим специальностям Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.